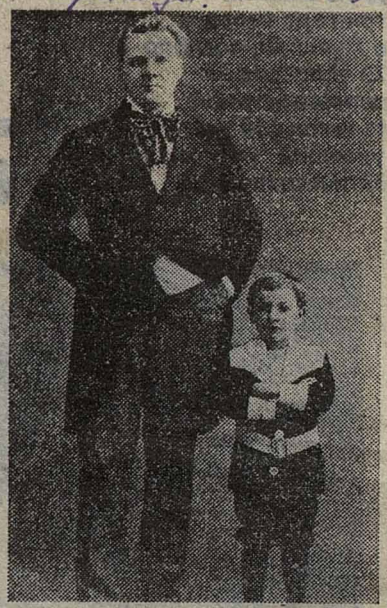
Летом царь Федор царил на Кавказе

Комс правда. - 1993 - 12 февр.

В эти дни исполняется 120 лет со дня рождения Федора Шаляпина. Год от года его имя все больше покрывается хрестоматийным глянцем. А жаль...



1 февраля (по новому стилю — 13-го) 1873 года в Казани родился гений. История умалчивает, басом ли он пел свое первое «уа», но, что стал великим басом, бесспорно. В последний путь Федора Шаляпина провожал весь Париж. Но он как был, так и остался истинно русским: безалаберным и расточительным, сентиментальным и жестким. Умеющим работать до самозабвения и отдыхать с размахом. Особенно здорово это у него получалось на курорте, где, говорят, человеческая натура раскрывается наиболее полно.

Кисловодск последних лет Российской империи, когда там бывал Шаляпин, здорово напоминал маленькую Венецию. Туда, в этот уютный курортный городок, съезжалась публика самая разная: от высшего общества до простого жулья. Магазины пестрели товарами прямо из Парижа, играли в парке духовые оркестры, до поздней ночи сияли огнями рестораны. В этой жизни Федор Иванович был своим человеком.

Шаляпин очень любил Кавказ. И здесь немало мест, его помнящих,— в Кисловодске, Ессентуках, во Владикавказе. Даже — на Военно-Грузинской дороге. Это был настоящий артист, во всем стремящийся к неподражаемости. И если шел, скажем, по ессентукскому курортному парку, все видели — Шаляпин идет. Впрочем, один раз Федора Ивановича признали не сразу. И это чуть не стоило певцу головы.

Как-то пришла Шаляпину идея спеть «Демона» в горах Кавказа. Что называется, в максимально приближенной обстановке. И он с друзьями отправился на автомобиле за Владикавказ, по Военно-Грузинской дороге. В то время всю округу держала в страхе банда Зелимхана — крупного разбойника. Узнав, что на него охотится полиция, Зелимхан задумал ее опередить. Устроил засаду. И, завидев авто, решил, что едет большой полицейский начальник. Остановили: «Выходи по одному».

Когда из машины вылез Федор Иванович — 196 см ростом, с огромным золотым перстнем на пальце, атаман сразу «догадался»: точно он, его враг — полицейский. Наставил в грудь винтовку...

— Да что вы, ребята. Какой из меня начальник полиции? Я же Шаляпин, певец. Или не знаете?

—Чем докажешь? — не унимался Зелимхан.

Тогда пленник запел «Соловья». Его чудный бас пошел эхом по ущельям, заворожил всех присутствующих.

— Не трогать! — скомандовал главарь.— Это — Артист.

Прощально хлопнули пробки шампанского, и автомобиль отправился дальше — уже с охраной Зелимхана...

— Вот, говорят, Федор Иванович спесив бывал, заносчив. Не знаю, такого за ним не замечала,— вспоминает и поныне живущая в Ессентуках 90-летняя, но еще довольно бодрая казачка Анна Третьякова.

Барин у дядьки моего, Ивана Горепекина, переделанный под жилье амбар снимал. Ну, конечно, меблировал его на свой вкус: стол огромный поставил, кресло подстать. Он вообще любил все большое, крепкое. Помню, кликнет нас с сестрой — нам тогда лет по 13 было. Даст денег и просит в лавку сбегать. Калачей, пряников к чаю купить, да колбасы на закуску. Вернемся с покупками, а он нам по прянику и по контрамарке на свой концерт. А потом с дядькой песни русские поет. Любил он их больно.

Он все делал по-настоящему: пел, пил, любил... На Кавказе только про таких легенды веками живут.

А. ЕВТУШЕНКО.
(Наш корр.).
Пятигорск.